

Татьяна — это я...

Александр КОСТРИКОВ

— НАЙДЁТСЯ ЛИ В РОССИИ
ДВЕ ПАРЫ СТРОЙНЫХ
НОГ?! *ЖЕНСКИХ

Д ЕЙЧАС уже становится очевидным: национальный классик, создав энциклопедию русской жизни, отразил также и специфику нашего матриархального общества. А если выразиться по-сегодняшнему — специфику отечественного феминизма. Русский мир у Пушкина — это прежде всего женский мир, женские счёты, женские страсти.

Обратимся для простоты доказательств к пушкинским сказкам — цитаты так вошли в подкорку, что мы перестали задумываться о прямом смысле сказанного. Конечно, еще Пропп говорил о специфической сказочной логике, о ее несоотнесенности с логикой житейской. (Да и какая логика между мужчиной и женщиной!) Но, как известно, сказка ложь — да в ней намек. На что же намекают пушкинские сказки, если предмет нашего рассмотрения «роль женщины в социальной сказочной жизни».

Конфликт всех пушкинских сказок — мучительная женская страсть (в «Сказке о попе и работнике его Балде» это не столь очевидно), не знающая и не желающая мириться ни с какими ограничениями. Царица в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях», заиклившаяся на том, «кто на свете всех милее, всех румяней и белее». В «Золотой рыбке» — снедаемая корыстолюбием и жадной власти старуха. В «Сказке о царе Салтане» — ткачиха и повариха, не простившие сестре удачного замужества. В «Сказке о золотом петушке» — Шемаханская царица, погубившая войско и всех государственных мужей. В большинстве случаев конфликт происходит между женщинами. Не между мужчиной и женщиной («Синяя борода», «Красная шапочка») и не между мужчинами (многочисленные европейские сказки о мальчике-с-пальчике и великанах). Зависть, движущая пушкинскими героинями, рисуется писателем как чувство онтологическое. Зависть лежит в основе всех остальных злодейств и низких чувств. Ненависть, обман, злоба, лукавство — все растёт — по Пушкину — из зависти. Зависти противостоят олице-

творенная кротость и неприязнательность. Видимая слабость последней недвусмысленно прочитывается читателем, как сила — не меньшая, чем зависть.

Рядом с этими эпическими черными и белыми женскими фигурами мужские кажутся почти призрачными. Они явно выполняют служебную, подчиненную роль. Что подчеркивается лексически: «Поди, поклонись рыбке», — посылает старуха мужа. Герой все время находится при исполнении какой-то конкретной задачи, сформулированной женщиной. Или он послан к рыбке. Или ищет по белу свету любимую. Или летает через моря в образе комара — шмеля — мухи. Когда же все счастливо заканчивается — «День прошел — царя Салтана уложили спать вполпьяна». Страдательный залог по отношению к герою оказывается единственно уместным. Пребывая все время в движении, он на самом деле выводится из конфликта, который разыгрывается между женщинами. У Пушкина почти нет мужчин-злодеев (кроме Черномора в «Руслане и Людмиле»). Есть слабые, глупые, простодушные. Но злодеев, одержимых страстью, — нет! Зато какой паноптикум злодеев! Кстати, почти нет и умных мужчин (Черномор здесь уравнивается Балдою). Зато благородных много. Правда, благородство героев почти случайное. Князь Гвидон, как помним, смастерил лук и пошел «на край долины у моря искать дичины». И подстрелил коршуна, который оказался чародеем. Можно догадаться, что, если бы лебедь не заговорила человеческим голосом, дичиной могла стать и она. Если бы не заговорила золо-

тая рыбка — понятно, что бы с ней случилось. Итак, благородство героев не в том, что они оказались вегетарианцами, а в том, что они вступили в переговоры с птицами и рыбами, и последним удалось героев заболтать, заставить забыть о собственном голоде. Способность с увлечением слушать (вспомним историю женитьбы царя Салтана) становится для героев пропуском в счастливое будущее, устроенное опять-таки женщиной. Героине же, чтобы получить полагающееся ей счастье, чего только не приходится вытерпеть.

Кротость кротости рознь. Кротость женщин в сказках Пушкина становится силой, исполненной значения. Кротость мужчин — это кротость слабого, принимающего правила игры. Очень значительно авторское умолчание об отце царевны, впоследствии покойной («Сказка о мертвой царевне»). Про него известно лишь, что после смерти жены он через год женился на другой. Вообще готовность этих героев к подчинению объясняет ту легкость, с которой они женятся. Ни один из них не делает свой выбор — выбирают их (и Шемаханская царица, и Старуха из «Золотой рыбки», и Царевна Лебедь). Царь Салтан женится на первой женщине (даже не видя ее лица!), которая хочет родить от него ребенка. Милая подробность: «Только вымолвить успела — дверь тихонько за скрипела, и в светлицу входит царь, стороны той государь».

«Здравствуй, милая девица, — говорит он, — будь царица» и т. д. А царь-то откуда взялся? «Во все время разговора он стоял позади забора» — в пару к этому только памятное всем падение с моста.

Опять-таки подробность: единственным отступлением от сюжета становится размышление о женитьбе в «Сказке о царе Салтане».

Но у Пушкина мужчины не только слабые, есть, естественно, и благородные, и мужественные. Мужественность часто становится собирательной. Князь Гвидон и король Елисей существуют в одном ряду с семьей богатырями и тридцатью тремя богатырями с дядькой Черномором. Причем мужественность их не становится для героини ни опорой, ни защитой. Все происходит все равно без героев, бряцающих оружием. Повесть королевича, пробудивший царевну, лишь подчеркивает декоративность мужественности Елисея. Конфликт разрешается совсем на другом уровне — на уровне женских интриг, женских чар, женских отношений. Воссоединение царицы с царем Салтаном устроено Царевной Лебедью. Рати бесстрашны перед Шемаханской царицей. Декоративная мужественность героев — как павлиний хвост, привлекает, но по сюжету остается невостребованной.

Не так очевидно, но по той же схеме разворачиваются события и в «Евгении Онегине», и в «Капитанской дочке», и в «Домике в Коломне», в «Цыганах», в «Барышне-крестьянке», в «Графе Нулине». Очень интересен образ Наины в «Руслане и Людмиле». Зато в «Сценах из рыцарских времен» — расклад сил прямо противоположный. Лермонтов, выбравший себе героя времени, а не героиню, похоже, потому и не стал «нашим всем». Конфликт, который должен был быть разрешен через героя, естественно, остался неразрешенным. Женщины же, принимающие эту задачу на свои плечи у Пушкина, у Лермонтова оказались слабы и декоративны. Герой Лермонтова — лишний человек, помним со школьных времен. Но может ли быть лишней пушкинская героиня!

После «Сцен из рыцарских времен» настоящие герои, способные мыслить и действовать, появились лишь у Толстого. Который, как известно, оказался зеркалом русской революции.